

Введение

Германская Ostpolitik в мучительном поиске основного контрагента

Задолго до финала Великой войны, а точнее почти с самого ее начала, стало очевидно, что на этот раз схватка великих держав изменит не только соотношение сил между ними, но и набор тех акторов, мнение которых что-либо значит на международной арене. Перемены в политической географии мира, а особенно таких его регионов, как Восточная Европа, будут отнюдь не косметическими. По мере того как на фронтах войны и в официальных заявлениях воюющих сторон повышались ставки, поиск вариантов послевоенного устройства в имперских столицах обретал черты игры ва-банк, с заведомо неоднозначными и безусловно тяжелыми для всех великих держав последствиями. Однако, несмотря на проницательные доводы целого ряда государственных деятелей, вопрос об определении проигравших и победителей с повестки дня никто не снимал. Демонтаж довоенного устройства ускорялся и стал необратимым в значительной большей степени, нежели того хотелось бы всем метрополиям. Порядок и правила послевоенного мира предстояло изобрести, а не просто согласовать очередные линии на карте.

Уникальность вставшей перед руководством всех великих держав задачи вовсе не сводилась к факту возникновения в ноябре 1917 г. «первого пролетарского государства», ведь в его исключительность долгое время попросту не верили, считая недолговечным экспериментом на грани абсурда. С точки зрения международных отношений, значимость большевистского переворота сводилась к тому, сможет ли он что-либо изменить в противостоянии на Восточном и Кавказском фронтах, давно перешедшем в стадию клинча. Как хорошо известно из необозримой литературы по истории первого года существования Советской России, реальные действия руководства новой страны и достигнутые им результаты были далеки от заявленных в «Декрете о мире» элементарных лозунгов. Внешняя политика Совнаркома оказалась даже не двойственной, а в лучшем случае

тройственной, имея в виду варианты с ориентацией на обе воюющие коалиции, а также ожидаемую вскоре глобальную революционную волну. Драматическая брестская эпопея ничего в этом не изменила и изменить не могла.

Ниже предлагается версия столь часто описываемых за последние 100 лет событий с необычного и даже странного для отечественного читателя ракурса. Вместо очередной составляющей истории Гражданской войны в России и борьбы центробежных и центrostремительных сил в распавшейся империи Романовых здесь будут рассмотрены кульминация и финал Великой войны на Востоке с позиции Германской империи. При таком непривычном для российской историографии «сужении» подхода открывается целый ряд возможностей к решению давно назревшей задачи: преодолению искусственного, не исторического, а пропагандистского разрыва между отечественной и всемирной историей.

Вопреки очевидной необходимости и многим попыткам преодоления данного психологического феномена до сих пор Гражданская война в России продолжает восприниматься как смежное явление, а не составная часть Великой войны. То же относится и к большинству начавшихся до 1914 г. и окончившихся (на некоторое время) лишь к лету 1923 г. других конфликтов на территориях Восточной Европы, Ближнего Востока и Евразии в целом. Логика многослойного (во всех отношениях) противостояния по-прежнему сводится к учету лишь одной из его составляющих, с подчинением ей всех остальных или произвольным их игнорированием. Здесь в равной степени сказываются те или иные личные симпатии и заблуждения, а также политическая ангажированность любого градуса.

Масштабными усилиями историки различных стран существенно обогатили картину событий, поставили многие насущные задачи, однако едва ли добились желаемого, особенно в восприятии данного периода за пределами профессионального сообщества. До настоящего времени так и не выстроено недостающее звено в военно-дипломатической истории трансформации постимперских пространств. Между оно критически важно для анализа всего межвоенного периода и его финала, ошибочно сводимого лишь к прологу Второй мировой, но не к эпилогу Первой. Общая недооценка значимости и последствий Великой войны благодаря почти парадоксальному забвению подробностей ее финала на всех фронтах, кроме западноевропейских, приобретает гротескные черты, а потому и роковые последствия в сфере исторической памяти и практического ее применения.

Брестскому миру в этой связи «повезло» более прочих, ведь он пал жертвой не исторической амнезии, а стойкой примитивизации.

Засилье штампов и иллюзий о возможности «все понять, ничего не объясняя», здесь оказалось особенно сильно. Между тем нет никаких оснований для этого, с учетом корпуса опубликованных на разных языках документов и современных возможностей их получения и анализа. Непосильный объем задач по воссозданию в кратчайшие сроки, причем в условиях продолжающейся мировой войны сколько-нибудь приемлемого *modus vivendi*, по отладке новых правил международного взаимодействия — в основном в экспериментальном порядке и с явно завышенными требованиями — и переход к попыткам постепенного преодоления гуманитарной катастрофы, затронувшей десятки миллионов людей, — все это было попросту не замечено и забыто потомками, утешившимися фразами о «похабном мире» без ознакомления хотя бы с текстом договоров, не говоря о деталях дискуссий, ведшихся вокруг них неделями. Решение судеб не только всех 4 воевавших империй и их младших партнеров, но и сопредельных с ними нейтральных стран и колоний разменяли на хлесткие цитаты.

В еще более тяжелом положении оказалось осмысление не возникновения и оформления Брестского мира (точнее, целого ряда договоров о мире на Востоке), а процесса их имплементации и попыток ее деформировать в любую сторону. История этих событий была вписана в совершенно иной контекст в зависимости от акцентов, необходимых той или иной стране, что предопределило степень корректности анализа. Системная природа международных отношений может и должна рассматриваться с учетом человеческого фактора, в том числе на субъективном уровне, с учетом психологических нюансов, однако она не подвластна предпочтениям насчет удобства исследователя и благим пожеланиям в адрес изучаемого объекта. Именно поэтому следует изучать системы не только состоявшиеся и долговременные, но и деформированные, неоформленные и в итоге не состоявшиеся, те, что следовало бы отнести к особой категории *failed system*. Основанием для такой постановки проблемы является как минимум факт ненулевых последствий от развития подобных систем для любого последующего и кажущегося столь стабильным и принципиально отличным международного порядка.

При такой постановке проблемы немедленно возникает масса терминологических и методологических проблем, однако их рассмотрение более уместно в диссертации или в специальных научных статьях. Здесь же куда важнее наметить общую динамику системы, хронологию и общие рамки ее существования. Решающую роль в этом играли взаимоотношения главных элементов системы, хотя импульсы к деформации и усложнению, а также множество

коэффициентов в разного рода взаимодействии внутри системы (особенно экономическом) задавалось воздействием второ-, а то и третьестепенных акторов, тем более при их совместных действиях против гегемона. Общая динамика развития системы диктовалась не только интенсивностью противодействия ей извне (со стороны Антанты), при сравнительно слабом сопротивлении внутри (со стороны разной «расцветки» отрядов, выступивших против интервентов), но и темпом, и возможностями для обмена ресурсами и информацией, а также качеством управленческих механизмов и эффективностью их реакции на непрерывную череду проблем и обострений.

С установлением перемирия на фронтах от Балтийского моря до границ Персии (то есть с 12–18 декабря 1917 г.) немедленно старталил процесс становления новой системы международных отношений, которую уместно назвать Брестской. Ее географические рамки постепенно расширялись. Не только потому что на мирной конференции ставился все более широкий круг вопросов, но и так как насилиственная дезинтеграция и фрагментация бывшей Российской империи только набирала обороты. Усложнение системы, расширение пространства и сфер ее воздействия, многочисленные деформации по результатам столкновения различных сил, в том числе внутри воюющих коалиций, — все это началось немедленно, не дожидаясь не только всеобщего мира (хотя иллюзии о начале переговоров о нем сохранялись до середины января), но и подписания любых других соглашений, кроме договоров о перемирии.

Уже на этой стадии пролога, когда будущее переустройство Восточной Европы и сопредельных регионов за пределами совещаний в Бресте почти не просматривалось, системные эффекты и взаимодействия дали себя знать вполне отчетливо. Именно это — а не только личные ошибки, амбиции или аппетиты — предопределило кризисы и деградацию переговорного процесса: его участники попросту не владели инструментарием, необходимым для анализа бурно развивающейся ситуации. Это касается и все еще находившейся в традиционных рамках дипломатии Центральных держав, и готовых играть любыми привычными категориями делегатов Советской России. Еще менее способными к целостному осмыслению проблемы оказались разнообразные национальные политические группировки, не желавшие вникать ни в какие проблемы общесистемного, то есть имперского уровня, а требуя лишь вполне конкретных шагов регионального, если не локального масштаба.

Переход от протосистемного, чуть ли не эвентуального состояния к новому и более чем наглядному этапу развития последовал 8–11 февраля 1918 г. Очередной кризис в переговорах сменился серией решительных шагов, призванных фиксировать хотя бы часть

желаемых результатов, покончив с уже ненужными фикциями и иллюзиями противника, а также с дезинформацией общественного мнения. Вопреки внутри- и внешнеполитическим трудностям гегемон системы, то есть Германская империя, форсировала ее оформление. Был срочно подписан мирный договор между Центральными державами и Украинской народной республикой, доведен до логического финала торг с Троцким, так что переговоры были прерваны, а гуманитарные миссии стран Четверного союза в Петрограде поспешили подписать соглашения о хотя бы частичной депатриации военнопленных и интернированных. Вопреки мнению о заранее спланированном и вполне управляемом германской стороной последующем «принуждении к миру» Советской России возобновление боевых действий на Восточном и Кавказском фронтах далось Центральным державам ценой тяжелого внутриполитического и коалиционного кризиса. На фоне драматических событий в Советской России и бурной эскалации боевых действий в различных регионах в русскоязычной историографии это, как правило, совершенно не учитывается.

Развитие военной кампании 1918 г. на Востоке оказалось неожиданным для всех ее участников, включая активно действовавшие миссии Антанты. Этап первичного оформления Брестской системы был столь деформирован местной спецификой и огромной инерцией задействованных Германией сил, что с трудом поддается общей для разных регионов периодизации. Сложное взаимодействие интересов стран Четверного союза и различных национальных государственных проектов уже на этом этапе привело к появлению в рамках едва намеченной зоны германской гегемонии целого ряда региональных подсистем. Их лишь частично и порой далеко не сразу удалось оформить базовыми соглашениями, то есть мирными договорами (с Финляндией, Румынией, странами Закавказья), и рядом более частных внутрикоалиционных и двусторонних соглашений (о поставках оружия и сырья, финансовой помощи, разделе сфер влияния и т. д.). Но сам факт наличия этого набора штучных компромиссов (количество которых в итоге исчислялось десятками) сильно девальвировал значимость и устойчивость главного документа, положенного в развитие системы — Брест-Литовского мирного договора между Советской Россией и Центральными державами, подписанного 3 марта 1918 г.

Обстоятельства его «согласования», ратификации и выполнения обеими сторонами были таковы, что сомнения в действенности данного соглашения преследовали всех подписавших на протяжении всего его действия. Активное противодействие имплементации Брестского договора со стороны Антанты, поддерживавшей любые «антибрестские» силы, стало важнейшим фактором всей недолгой

истории германской гегемонии на развалинах Российской империи. Вторым и не менее весомым обстоятельством являлась принципиальная нерешенность вопроса о том, какая из национально-политических группировок займет в итоге место империи Романовых на международной арене, пусть даже частично. Именно поэтому анализ Брестской системы не корректно сводить к истории советско-германских отношений, ведь в «чистом виде» их вплоть до Рапалльского договора и не существовало. Германия (как и ее союзники, и Антанта) вполне обоснованно исходила из того, что Советской Россия останется ненадолго или лишь на части территории. Это предопределяло перспективы всех национальных правительств в государствах-лимитрофах и продолжало сказываться на германской политике на Востоке (*Ostpolitik*) не только до Компьенского перемирия, но и значительно позже него.

Столь тяжелые «родовые травмы» Брестской системы, ставшей плодом не только мирных конференций, но и военной кампании 1918 г. (или шантажа ее началом), отчетливо проявились уже на этапе ее оформления, начавшегося 8–11 февраля и постепенно завершившегося в конце апреля — начале мая 1918 г. Важнейшими признаками финала очередной стадии стала остановка основной фазы наступления Центральных держав (не считая боевых действий в Закавказье), установление официальных дипломатических отношений между Советской Россией и странами германской коалиции (с некоторыми оговорками), оформление зоны Первой оккупации и стабилизация обстановки на демаркационной линии между германскими войсками и их региональными союзниками и РККА.

Анализу происходившего на оккупированных Центральными державами территориях Восточной Европы была посвящена предыдущая книга серии — «После Российской империи», вышедшая в начале 2020 г. Данная монография является не столько продолжением, сколько необходимым дополнением к ранее опубликованной работе, нисколько не уступая (но и не превосходя) по значимости излагаемого ниже материала. Книга посвящена истории взаимоотношений между основными элементами Брестской системы, то есть Германской империей и Советской Россией, а также сложному взаимодействию с Центральными державами различных антибольшевистских сил имперской направленности. Они стали заложниками оформления гегемонии Кайзеррейха вне зависимости от своего отношения к Великой войне, Антанте и любым проблемам за пределами того или иного региона. Краткое содержание этого периода с заявленного угла зрения следовало бы сформулировать так: германская *Ostpolitik* в мучительном поиске основного контрагента. История ее реализации в 1918 г. отмечена на первый взгляд парадоксальным сочетанием

очевидных и неизменных мотивов и целей основных контрагентов новой системы международных отношений и чрезвычайной нестабильностью и всякий раз полной непредсказуемостью для них очередного поворота событий. Именно поэтому столь напрашивающиеся решения, диктуемые смертельной схваткой Германии в Великой, а Советской России и Белого движения в Гражданской войне, на практике часто сменялись едва ли не противоположными поступками лидеров и эмиссаров всех задействованных сторон.

В 10 главах описаны дальнейшие этапы развития Брестской системы, успевшей пройти еще несколько коротких, но крайне насыщенных стадий оформления, экспансии и трансформации. Рубежами между ними стали события конца июня 1918 г. (правительственный кризис в Германии, заключение соглашения о репатриации от 24 июня, начало переговоров о новой советско-германской глобальной сделке), затем подписание 27 августа 1918 г. Добавочного договора, значение которого для становления системы сопоставимо с договором от 3 марта, а потом переход к эндшпилю Великой войны с начала октября 1918 г. (смена правительства в Германии, нотная переписка с Антантою, подготовка к разрыву отношений с большевиками и новому этапу взаимодействия с Белым движением). Неизбежные тенденции к расширению пространства воздействия Брестской системы до всей Евразии вызывали встречные усилия Антанты в регионах, которые до сих пор считались совершенно не затронутыми договором от 3 марта 1918 г.: Урал, Сибирь, Туркестан, Дальний Восток. Это последовательно усложняло структуры системы и давало новые импульсы к ее беспрерывному «редактированию». Переход к демонтажу Брестской системы начался 5–13 ноября 1918 г., после краха германской коалиции, разрыва дипломатических отношений между основными элементами системы и подписания Компьенского перемирия. Аннулирование Брестского мира ВЦИК 13 ноября 1918 г. было не отказом от взаимодействия с Берлином, а попыткой «перезагрузить» систему, от которой переживавшая Ноябрьскую революцию Германская республика отказалась, что поставило ее перед дополнительными трудностями.

Выстроенное на основе большого количества мало- или вовсе не известных в России архивных материалов, а также громадной базы опубликованных источников, мемуаров и историографии полотно отличается крайней насыщенностью. Дополнительно усложняет мозаику и предпринятая попытка максимально учесть не только системные тенденции и геополитические закономерности трансформации постимперских пространств, но и субъективные факторы развития событий. Значение последних на исходе 4-летнего глобального противостояния, да еще и в обстановке острого рево-

люционного кризиса оказалось максимальным из возможных. Темп событий и размах происходящего зачастую исключал затяжные размышления или последовательную реализацию заранее согласованной программы. Остро ощущаемый слом эпох сопровождался накопившейся усталостью, психологическими срывами, утратой всяких ориентиров. Господствовали импульсивность, наскоро принятые решения, спорные заимствования и импровизации, а также сведение личных счетов любой ценой, вопреки национальным интересам и идейным установкам, а то и здравому смыслу. Искусственно упрощенный фасад — будь то «военная диктатура» в Германии, «ленинский» Совнарком в России, «верное союзникам» Белое движение — слишком часто не выдерживает проверки имеющимися данными.

Эта личностная сторона происходившего в 1918 г. на просторах Брестской системы часто недооценивается в угоду ложно понятой объективности и сомнительным обобщениям. Однако появление, развитие, деформация и крушение хаотических систем — при притязаниях основных акторов на управление, а то и на предвидение основных составляющих этого процесса — не могут быть корректно реконструированы без подчеркнутого внимания к характерам людей и стечению многих «технических» обстоятельств. Последовательное стремление к «расшифровке» различных факторов принимавшихся решений и преимущества системного анализа способны избавить от ощущения бессилия перед почти бесконечным многообразием полотна событий самого насыщенного года XX столетия. Предоставить модель, удобную не только для накопления факто-логии, но и для превращения Хаоса «великого и страшного» года 1918-го в Космос «отдельно взятой» системы, — такова была важнейшая из задач, поставленных автором этой книги.

Л. В. Ланник

ГЛАВА 1

ПИК ГЕРМАНСКОГО МОГУЩЕСТВА, МАРТ-ИЮНЬ 1918 г.

Пролог советско-германских дипломатических отношений

История переговоров и обстановка подписания и ратификации Брестского мира, да и прочих связанных с ним договоров, были отягощены недоразумениями и недоверием. Поэтому нормализация отношений Берлина и Москвы, куда Совнарком и перебрался в связи с «нюансами» принуждения к миру со стороны Германии, казалась вероятной далеко не всем. И все же приступить к ратификационной процедуре обязаны были обе стороны, ведь этого требовал подписанный договор, немедленно ставший частью сложнейших внутриполитических компромиссов во всех подписавших его странах. По мере становления Брестской системы набор каналов связи и ведомственных взаимоотношений постоянно усложнялся. Куда более значительных перемен следовало ожидать в потерпевшей унизительное военно-политическое поражение Советской России. Троцкий, отправившийся в отставку с поста главы дипломатического ведомства, полагал, что его уход — в первую очередь демонстративный сигнал германской стороне о реальной перспективе имплементации Бреста.

13 марта 1918 г. НКИД — поначалу в качестве и. о. — возглавил самый опытный дипломат из большевиков Г. В. Чicherин, заместителями его стали Л. М. Карабан и М. М. Литвинов, то есть те, кто специализировались на взаимоотношениях со странами Востока и с Антантой соответственно. Поэтому именно Чicherин, глава НКИД, занимался главным направлением внешней политики, а именно — германским. Ему довелось выстраивать отношения с Германией в обстановке продолжающейся широкомасштабной войны и на Украине, и в Финляндии. 18 марта 1918 г. (то есть после ратификации Бреста) он подал по радио первый протест в связи со взятием (еще за 4 дня до этого) Одессы. Вскоре поток радиограмм стал весьма плотным, так что их

едва успевали принимать на различных (в основном флотских) германских радиостанциях (Либава, Кёнигсвустерхаузен, Варшава и т. д.)

Понимая недостаточность такого канала связи и пока не слишком ему доверяя даже с технической точки зрения, в Совнаркоме поскорее определились с кандидатурой будущего полпреда в Берлине. Им стал А. А. Иоффе, который при всей неоднозначности его успехов и позиции насчет Брестского мира считался фигуранткой, приемлемой для германской стороны. В Кайзеррехе о том, кто станет большевистским послом, узнали почти немедленно. Но до полноценной видимости восстановления мира между Россией и Германией было еще очень далеко.

В течение следующих 5–6 недель основным содержанием советско-германских отношений, в отсутствие полномочных представительств в Москве и Берлине, оставались протестные ноты, не оказывавшие сколько-нибудь заметного воздействия на ход продолжавшейся к югу от Припяти операции «Фаустишлаг». Постепенно появлялись и менее официальные линии связи, копился список вопросов, дожидавшихся прибытия посланников в обе столицы. Традиционно одним из первых пунктов для установления контактов становились гуманитарные миссии, в первую очередь вопрос об участии военно-пленных и интернированных. Это сулило резкую интенсификацию обмена информацией и поводы к новым соглашениям. Готовились и иные каналы обмена информацией, но далеко не всегда они были адекватны истинным намерениям советских и германских верхов.

Помимо посольств возникала перспектива открытия консульских представительств, исторически представлявших собой особый уровень межгосударственных контактов. Вскоре в Москве появился опытный 45-летний сотрудник АА, а теперь консул Г. Х. Венду (пробывший в России до августа 1918 г.), затем — генеральный консул Германии Г. Э. Хаушильд¹ (заместителем которого стал Вальтер), а в Петрограде — М. Бирманн (с середины июля — Й. Брайтер)². Консульствам, развернувшим интенсивную деятельность в столицах, нужен был немалый штат, так что установить точный состав теперь довольно сложно, не считая отдельных фамилий (К. Динстманн, например³, и др.).

¹ Хаушильд успел повоевать в 1914–1916 гг., 30 апреля 1918 г. назначен генеральным консулом в Москве. Он принял дела 20 мая, оставался в России до конца ноября 1918 г., а вершиной его карьеры стал пост посланника в Хельсинки.

² Опытный 51-летний генеральный консул Брайтер был назначен в Петроград 28 мая, однако дела он принял лишь 15 июля. Еще более возрастной Бирманн, принявший участие в миссии Мирбаха в декабре 1917 — феврале 1918 гг., получил назначение в Петроград 15 мая, однако дела принял лишь 2 июня. 13–15 июля 1918 г. он сдал их и выехал в Германию.

³ Он позднее занимал целый ряд консульских постов в СССР, так что 22 июня 1941 г. встретил генконсулом в Ленинграде.

Однако стояла не менее масштабная задача восстановления и региональной сети представительств Кайзеррейха. Официальные запросы (тут же получавшие согласия) о назначениях последовали в середине июня: 12 июня о назначении Бирманна, затем о членах различных комиссий (в том числе о тех, кто уже находился в РСФСР, как Вендшу), о назначении в Саратов Шенштедта, в Омск (куда кайзеровские чиновники так и не смогли доехать) — Циттельманна, потом Вилля и т. д. Задним числом (только 25 июня) оформили и статус в Москве майора Хеннинга как уполномоченного ПВМ. Ряд назначений в итоге осуществлен не был, так как они затянулись до смены планов или оказались невозможны из-за перемены обстановки на фронтах Гражданской войны¹.

Советская сторона — с учетом противостояния почти со всем составом служащих бывшего МИДа — налаживала консультский уровень отношений с трудом. В Берлине приступил к работе не вызывавший особого доверия (и не без оснований) бывший чиновник МИДа, а ныне вице-консул РСФСР Ю. А. Воронов. Генеральным консулом стал В. Р. Менжинский, оказавшийся после отъезда Красина главным экспертом по торгово-финансовым и имущественным вопросам, ведь с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. он был фактически первым наркомом финансов Советской России.

По мере развития торговых отношений и нормализации положения бывших подданных Российской империи, в том числе интернированных в Германии (а затем и в других Центральных державах) потребность в консульствах возрастала. С. М. Семков из берлинской миссии Центропленбежа и даже военный наркомат просили НКИД поскорее открыть дополнительные консульства, так как трех комиссий из двух человек, допущенных германской стороной для рассмотрения огромного объема прошений и решения острых проблем в снабжении пленных, явно не хватало².

Со временем в НКИД под давлением Иоффе и Менжинского запланировали открытие вице-консульств по меньшей мере в Мюнхене (где предлагал свои услуги В. В. Адоратский³) и Гамбурге (куда отправился осенью ради налаживания судоходства Г. А. Соломон) и Штеттине⁴. На базе казалось бы вполне состоявшихся дипломатических

¹ Хотя некоторые эмиссары по заданию германских ведомств в Сибирь все же добрались, приступить к работе в Омске германский консул по понятным причинам летом–осенью 1918 г. так и не смог. Документы о назначениях: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60.

² См. серию материалов: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 21. Д. 88.

³ См. документы о планировавшемся назначении: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1029. П. 73. Л. 2–4.

⁴ Именно туда прибыло с первым визитом советское судно «Океан» 26 октября, однако опыт был скорее неудачным, ведь рейс, начавшийся 8 октября,

отношений с Германией осенью 1918 г. РСФСР готовилась к расширению представительств и в скандинавских странах. Но этим связи не исчерпывались и при таких «правилах игры» в двусторонних отношениях не могли исчерпываться.

Первые миссии в условиях «мира» были вполне техническими и связывались с формальностями вокруг только подписанного договора: с обменом переводами договоров (первые варианты сделаны под руководством Левина к 14 марта) и ратификационными грамотами, подготовленными для этого уже 16 марта 1918 г.¹ Пока шла работа над переводами в другой версии и их сверка, в Берлин направили занимавшего некоторое время видное положение в НКИД П. М. Петрова. Он побывал в столице Кайзеррейха в конце марта — начале апреля 1918 г. куда прибыл 20–21 марта и сразу же передал письмо с подтверждением ратификации. 29 марта 1918 г. он произвел обмен грамотами с фон дем Бусше, но не удержался от революционных демаршей, а потому скорее провалил свою миссию² пролога к становлению официальных германо-советских отношений.

Это было особенно опасно с учетом возникшей в недрах Обер Оста и поддержанной в ОХЛ идеи, что большевистских представителей вообще не следует пускать в Берлин, оставив их, например, в Ковно (что явно повысило бы роль Гофмана в Ostpolitik до определяющей). Тревога дипломатов только усиливалась. И все же Петрову довелось провести саму процедуру обмена, что должно было, по мнению НКИД, еще раз дать повод требовать соблюдения Брестского мира, то есть прекращения любых наступательных операций германских войск.

Однако имплементация мирного договора затягивалась в том числе потому, что кайзеровские ведомства успешно пользовались отсутствием финальных формальностей, а потому могли ссылаться на то, что договор пока не действует, отклоняя серию протестов из-за дальнейшей экспансии к югу и юго-востоку от Припяти и Дне-

затянулся, а различные препоны заставили экипаж апеллировать к Иоффе: АВП. Ф. 82. Оп. 1. П. 25. Д. 111. Л. 55–57.

¹ Некоторые документы об этой мало известной стадии — между подписанием и ратификацией Бреста и началом работы посольств в столицах — см.: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 61.

² Одно из очень немногих упоминаний этой миссии в исторической публицистике: Сонкин М. Ключи от бронированных комнат. М., 1970. С. 174–176. В начале июня собирались повторить процедуру обмена грамотами с Германией из-за ошибок в варианте перевода, привезенным Петровым. Грамоты выслали в итоге лишь 28 июня. См. послания Чичерина Иоффе, а также радиограмму с протестом фон дем Бусше от 24 марта и срочным дезавуированием его полномочий: АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. П. 12. Д. 172. Л. 31–35, 59; Оп. 1. Д. 152. Л. 14–25; Ф. 04. Оп. 13. Д. 992. П. 70. Л. 80.

пра. Запоздалым эпилогом этой стадии завершения формальностей стала задержка с публикацией протоколов брестских заседаний, за что Иоффе укорял Карабана, как своего бывшего подчиненного¹. С 8 апреля массой бюрократических деталей и мелких (с точки зрения творцов революционной истории), но порой весьма значимых вопросов отношений Советской России и Центральных держав занялась специальная комиссия во главе с К. Радеком, который отбирал в нее специалистов-правоведов, финансистов, хотя и без видимого успеха.

В обстановке продолжающихся боевых действий и быстрого расширения оккупированных территорий судьба Брестского мира казалась куда менее важной, чем реализация действительно прочного перемирия, чего Совнарком с трудом добился лишь к середине июня.

Военно-политическая динамика после Бреста

После ратификации Брестского мира Советской России понадобилось несколько месяцев, чтобы завершить развал старой армии (и до некоторой степени флотов) и начать постепенное наращивание сил не только на фронтах Гражданской войны, но и на демаркационной линии². Брестский мирный договор имел в виду почти утопический проект разоружения громадной страны, где население владело десятками миллионов единиц различного огнестрельного и холодного оружия и обладало (по меньшей мере частично) опытом современной войны. Даже при доброй воле основного (или даже нескольких) правительства к демилитаризации шансов на нее не было.

Однако никаких намерений выполнять условия Бреста, связанные с ликвидацией всякой военной угрозы со стороны России, у большевиков не было и быть не могло. Им предстоял сложнейший этап балансирования между временным бессилемием вооруженных сил и рискованными попытками сохранить максимум военного потенциала. Все новые антибольшевистские правительства выполняли ту же задачу, но при иных исходных данных и не соотнося свои усилия только (или в первую очередь) с германской угрозой. Ведь главным их врагом оставался Совнарком, а союзники могли быть подобранны по ситуации.

¹ См. их переписку, сохранившуюся, однако, лишь за май–июнь (вследствие цензуры при формировании фондов? Или из-за дистанцирования Карабана от дальнейших конфликтов вокруг Иоффе?) и упреки Иоффе в письме от 18 июня: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 995. Л. 5–8.

² См. данные о численности РККА в марте–июне 1918 г.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 г.). М., 1978. Т. 4. С. 13–32.

Германская империя, недооценивая эскалацию противостояния на постимперских российских пространствах, была уверена в возможности добиться демилитаризации любых лимитрофов, если только они не желают становиться ее сателлитами. Это обеспечивало крайне высокую вероятность разрешения любых «недоразумений» силовым методом, а весомых причин для этого было достаточно. Сказывались и сохранившиеся хотя бы частично Балтийский и Черноморский флоты, и наращивание сил принудительно комплектовавшейся (с 29 мая) РККА, и масса спорных участков на демаркационной линии.

В конце мая на демаркационной линии от Финского залива уже действовали или обсуждались обеими сторонами 12 локальных перемирий, заключенных местным командованием в течение последних 2 месяцев на разный срок и с разным успехом¹. Точное их количество и взаимосвязь были далеко не всегда известны высшему командованию обеих сторон, что характеризовало «status quo» более всего. Обе стороны могли лишь рассчитывать на дипломатическое разрешение накопившихся вопросов, хотя германские военные не слишком доверяли готовности чиновников АА сохранить все захваченное в ходе «Фаустшлага».

Однако даже наиболее агрессивные генералы и офицеры Генштаба понимали, что прежний этап экспансии *ad hoc* исчерпан, а прочное перемирие важнее любых локальных лавров. Нельзя было игнорировать консолидацию проантантовских сил (Чехословацкий корпус, британские десанты на Севере, так и не погибшая Добровольческая армия). Крепла уверенность и в том, что на Востоке вообще более не должна литься кровь кайзеровских солдат, ведь мир подписывался не для этого. Однако масштаб нерешенных проблем и истинная степень их сложности были осознаны местными германскими инстанциями далеко не сразу. Шлейф от триумфального шествия в ходе «Фаустшлага» долгое время поддерживал иллюзию возможности «бить кулаком» по любому весомому поводу.

Угроза такого варианта была кошмаром для руководства РСФСР и пока полудобровольческой Красной Армии. В первые недели после подписания и ратификации мира очевидное бессилие советских войск заставляло их командование полагать главной своей задачей уклонение от любых попыток спровоцировать конфликт, не считая продолжавшейся на Украине войны Центральных держав против Южных советских республик. Поводов для внезапной карательной

¹ См. детали этих перемирий в докладе В. Д. Бонч-Бруевича от 28 мая: АВП РФ. Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 16–17. В докладе 1 июля того же автора перечислялось уже 17 комиссий (от Ямбурга до деревень на воронежском направлении), которые следили за соблюдением локальных перемирий: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1012. Л. 7–9.

акции Германии против Советской России было достаточно, включая агитацию на демаркационной линии. Полностью отказаться от революционной пропаганды большевики по политическим причинам не могли, однако готовы были минимизировать подрывную работу в случае действительно жестких требований. Уверенности в соблюдении условий мира, не слишком конкретных по целому ряду пунктов, долгое время не было, как и гарантий нормализации германо-советских отношений.

Первые недели после мирного договора у командования РККА ушли на то, чтобы навести порядок на железных дорогах, забитых срочно эвакуированными составами, и вывезти их подальше от демаркационной линии. Этим добились существенного прогресса в централизации остатков наследия старой армии, использование которых и стало материальной базой победы большевиков в Гражданской войне. После шока от «Фаустшлага» и бесславного конца фронды «левых коммунистов» должное единомыслие среди военных инстанций, большевистских лидеров и первых привлекаемых к делу возрождения вооруженных сил военспецов стало устанавливаться куда быстрее, в том числе в военно-организационных вопросах¹.

4 марта была упразднена должность Верховного Главнокомандующего, 16 марта прекратила свою деятельность Ставка, так и не эвакуированная должным образом ни в Киев, как предлагал еще Н. Н. Духонин, ни, как планировали позднее, в Орел. 5 марта началась ликвидация высших штабных структур. Серьезно способствовало наведению порядка то обстоятельство, что с ликвидацией частей старой армии исчезли и сотни трудно управляемых комитетов на местах. Вместо них на уровне корпусов образовывались ликвидационные комиссии². Уже 4 марта 1918 г. был распущен весьма своественный Центробалт. 13–14 марта наркомом по военным делам стал (якобы не желавший этого) Л. Д. Троцкий, оттеснивший игравшего ранее решающую роль Н. И. Подвойского. Впрочем, влияние нового наркомвоенмора выходило далеко за рамки его ведомства, сохранившись и в сфере дипломатии, где он потерпел, казалось, столь очевидное поражение. 19 марта был реорганизован Высший военный совет³.

¹ См. заложившую основу всей современной историографии проблемы в целом работу: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. К настоящему моменту оформленся следующий виток историографии, в первую очередь на основе работ А. В. Ганина.

² См.: Военно-революционные комитеты действующей армии 25 октября 1917 г. — март 1918 г. / Отв. сост. Е. П. Воронин. М., 1977. С. 532–535.

³ См. подробнее: Войтиков С. С. Развитие взглядов руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — марте 1918 г. // ВИ. 2007. № 10. С. 3–12.

До полной победы сторонников массовой регулярной армии, подозрительно похожей на войска старого образца, над adeptами революционной народной милиции было еще далеко. Финальным сроком демобилизации старой армии было назначено 12 апреля. Наблюдавшие за ее ходом французские офицеры были крайне недовольны медленным темпом реорганизации¹, хотя следовало бы удивиться, что в таком хаосе удавалось хоть что-то. Пик расформирования старых частей пришелся на апрель, а основная работа была завершена в июне².

Символично, что в тот же день, когда германские войска предприняли последний рывок к победе на Западном фронте, 21 марта 1918 г., в создаваемой РККА отменили выборное начало. Кайзеровская армия приступала к своей последней кампании, а РККА только начинала обретать необходимые основы для первой. 8 апреля декретом СНК были образованы военные округа и сеть военных комиссариатов, ставших основой будущего мобилизационного механизма РККА³.

Началось подведение итогов демобилизации, отступления и эвакуации, выглядевших неутешительно⁴. Например, из около 1100 самолетов старых армии и флота на территории Советской России к началу апреля оказалось лишь около четверти. Сравнительно благополучно эвакуировались лишь те части, чьи командиры приложили для этого своевременные и упорные усилия (в том числе и на Западном фронте)⁵. На потерянных территориях остались не только матчасть, но и инфраструктура, важнейшие склады, а также ряд ценных военных производств (например, в Одессе один из основных авиационных заводов) и учебных заведений.

Зачастую в отчетах ликвидационных комиссий просто констатировалось, что при отступлении, особенно на первой стадии его, 19–25 февраля, имущество было разграблено солдатами, а сами они раз-

¹ См.: Садуль Ж. Записки о большевистской революции. С. 238–241.

² См., например: Молодцыгин М. А. Красная армия. С. 51. Массу различных материалов, в т. ч. регионального значения, об истории РККА первых лет существования см.: voencomuezd.livejournal.com.

³ Подробнее об эволюции высших командных инстанций в РККА см.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов. С. 132–135.

⁴ В отчете по Западному фронту указано, что лишь в 3-й армии заблаговременно эвакуирована: вся тяжелая артиллерия, 65–70 % легкой артиллерии, вся кавалерия, полковое имущество лишь одной пятой всех полков. Зато в дальнейшем паника сорвала любые попытки продолжить начатое, особенно в 2-й и 10-й армиях. См.: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1279. Также текст отчета: Директивы командования. Т. 1. С. 146–151.

⁵ См. подробнее: Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 18–22.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru